

Труд, быт, досуг первостроителей Комсомольска-на-Амуре: повседневная жизнь жителей дальневосточного города в 1930-е гг.

С. А. Власов

В статье на основе широкого круга архивных материалов, вводимых в научный оборот впервые, исследованы основные составляющие повседневной жизни первостроителей г. Комсомольска-на-Амуре: трудовая деятельность, жилищно-бытовые условия, формы и виды досуга. Установлено, что кадровый состав первостроителей формировался не только на добровольной основе, но и под административным нажимом; помимо мобилизованных и добровольцев существенную долю первостроителей составили военные строители, заключенные. Выявлено, что жилищные условия жителей нового города были неудовлетворительными. Отмечено, что для закрепления квалифицированных и наиболее трудоспособных кадров в качестве поощрения предоставлялось жильё лучшего качества. Снабжение продовольственными и промышленными товарами осуществлялось на низком уровне. Наличие досугово-культурных учреждений не соответствовало численности населения и не позволяло проводить содержательный досуг, и для большинства горожан он сводился к пассивному времяпровождению (отдыху, общению со знакомыми). Сделан вывод, что тяжелая повседневная жизнь первостроителей была своеобразной платой за ускоренное форсированное возведение промышленных объектов города.

Ключевые слова: первостроители, мобилизация, бараки, общественное питание, продовольственные и промышленные товары, бани-прачечные, содержательный досуг.

Для цитирования: Власов С. А. Труд, быт, досуг первостроителей Комсомольска-на-Амуре: повседневная жизнь жителей дальневосточного города в 1930-е гг. // История повседневности. – 2023. – № 1. – С. 161–176. DOI 10.35231/25422375_2023_1_161

Введение

Количество публикаций о разных аспектах повседневности достаточно обширно. Все, кто занимается исследованием этого важного направления социальной истории, осведомлены о приоритетном вкладе в изучение этих проблем зарубежных ученых [1–3]; о начале интенсивных исследований повседневности в отечественной историографии на рубеже XX–XXI вв. [4–6]; об отсутствии единого подхода к определению сущности повседневности [6; 7] и других историографических фактах, суждения и выводах. Поэтому мы не будем повторять кочующие из одной публикации в другую сентенции, они известны всем специалистам, и нет необходимости о них еще раз писать.

Отметим лишь, что история повседневной жизни первостроителей г. Комсомольска-на-Амуре не получила достаточной разработки в современной отечественной историографии. Публикации, специально освещающие данную проблему, единичны [8]. В отдельных работах данная тема затрагивается косвенно, не является главной, основной, а служит своеобразным дополнением к исследованию других проблем [9–12].

Данная статья призвана восполнить не рассмотренные ранее аспекты из истории повседневности первых строителей г. Комсомольска-на-Амуре, ее цель – реконструкция и выявление основных черт жизни первостроителей: трудовой деятельности, бытовых условий и досуга, своеобразной триады, из которой складывается каждодневная жизнь обычных людей.

Для выполнения поставленной цели решались следующие задачи:

- дана характеристика кадрового состава первостроителей: формы и методы их комплектования, численность, уровень профессиональной подготовки;
- изучена организация и условия труда на строящихся объектах;
- исследованы жилищно-бытовые условия первостроителей, обеспеченность их промышленными и продовольственными товарами, банно-прачечными услугами;
- выявлено состояние культурно-досуговой инфраструктуры, основные виды и формы досуга горожан.

Статья написана на основе материалов, найденных главным образом в государственном архиве Хабаровского края,

частично использовались документы из госархива Приморского края. Все материалы впервые вводятся в научный оборот и позволяют воссоздать реальную картину повседневной жизни горожан Комсомольска-на-Амуре.

Результаты

Место для начала стройки было выбрано в январе 1932 г. правительственной комиссией во главе с заместителем наркома обороны Я. Б. Гамарником. Выбор определялся удаленностью от границы, близостью сахалинской нефти и особенностью р. Амур, которая ближе к устью имела глубоководное русло с довольно высоким левым берегом, где на месте с. Пермское и было решено начать возводить город.

10 мая 1932 г. к месту строительства на пароходах «Коминтерн» и «Колумб» прибыл первый отряд мобилизованных в количестве 3747 чел., 1 июня – еще одна партия первостроителей. Общая численность рабочих, служащих и инженерно-технических работников, прибывших в 1932 г. из Москвы, Ленинграда, Горького, Одессы, Ростова-на-Дону и других городов, составила 6724 чел. [13, л. 15].

Состав первостроителей был разношерстным. Наибольшую часть составляли мобилизованные комсомольцы и несоюзная молодежь – те, кого послали на строительство по разнарядке, в порядке административного приказа. Помимо них были комсомольцы-добровольцы, завербованные квалифицированные рабочие-строители, инженерно-технические работники. Мобилизация проходила в сравнительно мягком режиме, людей не столько принуждали, сколько уговаривали, обещая высокие заработки и хорошие жилищно-бытовые условия по месту прибытия.

Так, отряду мобилизованных с Украины (1200 чел.) пообещали сразу по приезде к месту назначения предоставить квартиры и советовали не брать постельные принадлежности, белье, теплую одежду; говорили, что все это они получат по месту прибытия. Обещаниями о полном снабжении бельем, одеждой и всем другим необходимым обнадеживали мобилизованных из Центрально-Черноземной области (ЦЧО), Северного Кавказа и других регионов европейской части страны.

В Москве и городах ЦЧО с теми, кого направляли на строительство Комсомольска-на-Амуре, заключали срочные договоры (от шести месяцев до года) и говорили: «Езжайте, постройте завод, вернетесь обратно». Мобилизованных из г. Иваново заверяли, что дальше Хабаровска их не отправят [13, л. 15–16]. В общем использовался весь арсенал бюрократически-пропагандистских приёмов, главная цель которых – выполнить спущенную сверху норму по набору нужного количества людей.

Для выполнения разнарядки в число мобилизованных попали подростки в возрасте от 14 до 17 лет (всего свыше 200 чел.), больные хроническими заболеваниями (35 чел.) и даже один инвалид 2-й категории, не имеющий права работать [13, л. 17]. О качественном составе мобилизованных свидетельствуют также данные о том, что в пути за время следования до Хабаровска в эшелонах среди мобилизованных процветали карточные игры, пьянство, хулиганство. Еще в дороге началось бегство мобилизованных, оно продолжилось в Хабаровске, всего по дороге к месту назначения в с. Пермское сбежало 474 чел. [13, л. 19].

Попытки уклониться от работы с обвинениями в обмане, необоснованных обещаниях и требованиями отправить обратно продолжились и по месту прибытия в с. Пермское. Среди части прибывших началось хождение по врачам с предложениями найти причину отъезда, подделывались документы для того, чтобы получить освобождение от работы или перейти на легкий труд.

Тяжелые трудовые будни начались с первых дней. Приходилось без машин и механизмов с топорами, двуручными пилами, кирками и лопатами корчевать тайгу, расчищать и готовить площадки под будущие промышленные объекты. Трудовая деятельность первого года заключалась по преимуществу в земляных работах, кроме этого возводились объекты, без которых дальнейшее строительство и жизнедеятельность были невозможны: лесопильный завод, склады, хлебопекарня, столовая, бараки, баня-прачечная.

У многих не было никаких навыков рабочих-строителей, в том числе и у инженерно-технических работников, часть из которых не имела специального строительного образования, опыта работы. Тяжелые условия труда, бытовые труд-

ности, просчеты в комплектовании кадров – всё это привело к бегству из города-новостройки¹, к 1 января 1933 г. количество первостроителей сократилось до 4599 чел. Причем убежали не только рабочие, но и ИТР, и другие специалисты, в частности врачи [14, л. 191–193]. По оценке партийного руководства Дальневосточного края (ДВК), «в 1932 г. и первой половине 1933 г. мы имели толпы комсомольцев, удирающих с стройплощадки» [15, л. 50].

Поскольку численность работающих на стройке существенно сократилась, что поставило под угрозу сроки возведения промышленных объектов, было решено привлечь к работам военнотружеников, заключенных, спецпереселенцев.

Весной 1933 г. стали прибывать первые партии заключенных, которые использовали на строительстве автомобильных дорог, лесозаготовках, погрузочно-разгрузочных и других работах, без которых невозможно было построить промышленно-транспортные объекты города.

В январе 1934 г. в Комсомольск-на-Амуре прибыл первый батальон военных строителей из вновь созданного особого строительного корпуса (ОКС) при Наркомтяжпроме. В течение 1934 г. их численность была доведена до 4700 чел., а к 1937 г. возросла почти до 13 тыс. чел. Военные строители возводили все основные объекты: судостроительный, авиационный и металлургический заводы, жилые постройки, электростанцию, хлебозавод.

Примечательна оценка кадрового состава первостроителей, которую дал Далькрайком ВКП(б) на одном из своих пленумов. Партийные руководители ДВК условно разделили рабочих на три группы. Первая, самая надежная – это военные строители, «у них присутствует воинская дисциплина, организованность, это факты чрезвычайно положительные». Вторая – рабочие-комсомольцы, большинство из которых после завершения строительства должны были стать трудящимися будущих заводов. Третья – это рабочие Дальлага, которые «по качеству несколько ниже стоят, чем первая и вторая категории рабочих, однако плюс состоит в том, что у них сравнительно низкий процент текучести» [15, л. 2].

В последующие годы корпус первостроителей пополнялся за счет вольнонаемных (вербованных) и демобилизованных

¹ 10 декабря 1932 г. с. Пермское постановлением ЦИК РСФСР было переименовано в г. Комсомольск-на-Амуре.

военнослужащих РККА. По-прежнему, как и в первые два года, часть первостроителей, отработав непродолжительное время, покидали стройку. С 1 апреля 1936 г. по 14 апреля 1937 г. из Комсомольска-на-Амуре выехало более 6 тыс. чел. [16, л. 44]. Проблема кадров существовала на протяжении всех довоенных лет. В одной из докладных записок о ходе строительства промышленных объектов города отмечалось, что для выполнения производственной программы 1936 г. дополнительно требовалось 7560 рабочих, 400 ИТР и 265 служащих [17, л. 8].

Несмотря на нехватку рабочей силы, её использование на стройплощадках было на низком уровне. В марте 1934 г. начальник «Дальпромстроя» Викторов был вынужден самокритично признать: «наша стройка и сейчас представляет из себя непрерывный аврал, а попросту сказать, непрерывную суматоху из-за неумения расставить рабочую силу с одной стороны, а с другой – из-за отсутствия в нужный момент надлежащего количества материалов» [15, л. 3].

В последующем ситуация не изменилась. При дефиците в рабочей силе организация работ отличалась низким уровнем, даже стахановцам приходилось простаивать из-за отсутствия стройматериалов, нехватки инструментов и других организационных неурядиц. В зимнее время из-за сильных морозов производительность труда падала, для обогрева приходилось делать перерывы в работе. Зимой лишь треть рабочих выполняли нормы.

Крайне неэффективно использовались машины и механизмы. Из пяти имеющихся в наличии экскаваторов использовались только три, два находились в ремонте. Выработка экскаваторов на земляных работах на доке судостроительного завода составляла 32,5 % от нормы, на песчаном карьере – 89,5 % [16, л. 57].

К фактам трудовой повседневности следует отнести и задержки с выплатой заработной платы. На 1 января 1936 г. задолженность зарплаты по городу составила около 20 млн р., что несомненно отражалось на трудовом настроении рабочих, и производительности труда [18, л. 7]. Подобные явления были следствием не только просчетов руководства стройки, но и общего состояния экономики страны и наблюдались в других ее регионах [19, с. 163–164].

В качестве одного из главных направлений в исследовании повседневности, по мнению академика Ю. А. Полякова, следует выделить группу проблем, которую обобщенно можно назвать «жизненные условия». Это жилье, потребление продуктов питания и промышленных товаров (в первую очередь одежды и обуви), обеспеченность разными видами услуг (бытовыми, транспортными, медицинскими и т. д.) [5, с. 129].

По жилищным условиям первый год у первостроителей был самым трудным. В 49 домах с. Пермского не могли разместить всех приехавших, к тому же часть домов пришлось занять под административные, медицинские и прочие учреждения. Люди обживались в палатках, которых не хватало, частично в шалашах и землянках.

Отсутствие генерального плана города (он был утвержден только в 1939 г.) стало одной из причин, по которой все социально-бытовые объекты, включая жилье, строились как временные. Изначально было определено лишь место для судостроительного, авиационного и металлургического заводов. Их возводили три организации: трест «Дальпромстрой», отделы строительства № 125 и 126, каждая из которых вела работы по своим проектам, не согласованным и не увязанным в единое целое.

Отсутствие генплана и необходимость обеспечить рабочих и ИТР хотя бы примитивным, барачным жильём и минимальным набором бытовых объектов (пекарней, столовыми, баней-прачечной) привела к тому, что почти всё жилищно-гражданское строительство велось во временном исполнении. В городе к середине 1930-х гг. имелось не более 25–30 одно- и двухэтажных капитально выстроенных деревянных зданий. Большая часть жилья возводилось как временное, в виде бараков, но даже их не хватало.

Для нормального устройства рабочих требовалось 118 тыс. м² жилплощади, а имелось всего 42,2 тыс. м² (данные на середину 1930-х гг.). В бараки в первую очередь селили семейных, причем в одной комнате нередко проживали по две-три семьи. Часть первостроителей обитала в так называемом «копай-городе», где жилищами служили землянки и наспех сколоченные времянки из подручных стройматериалов [16, л. 45]. Отметим, что подобная ситуация с жильём была характерна

в годы индустриализации и для других городов-новостроек [20, с. 50–51].

Руководители строящихся промышленных объектов, пытаясь сохранить наиболее работоспособные кадры рабочих и квалифицированных ИТР, стремились по возможности создавать для них более-менее нормальные жилищные условия, насколько это было возможно в условиях жесточайшего жилищного кризиса. Начальник «Дальпромстроя» Викторов в докладе на пленуме Далькрайкома ВКП(б) (март 1934 г.) говорил о следующих мерах по закреплению кадров:

«До сих пор на строительстве существовало совершенно не нормальное положение – квалифицированные рабочие были в худших условиях, чем скажем пожарник, или комендант. < ... > Для того, чтобы закрепить инженерно-технический персонал надо создать хорошие жилищные условия. Вот почему я поставил первый вопрос на строительстве – это решение проблемы жилищ» [15, л. 14].

Жильё в городе строилось силами создаваемых промышленных предприятий, наркоматы выделяли им средства не только на производственное, но и на жилищное строительство. Этот вид строительства назывался «ведомственным» и получил широкое распространение на Дальнем Востоке в 1930-х гг., в том числе в Комсомольске-на-Амуре [21, с. 41]. Три крупных завода города (судостроительный, авиационный, металлургический) и другие предприятия помимо производственных объектов вели жилищное строительное.

Их руководители в первую очередь обеспечивали жильём нужные им категории работников: передовиков-стахановцев, наиболее квалифицированный управленческий персонал и тех рабочих, кто, приехав в первый год строительства, зарекомендовал себя с положительной стороны и готов был остаться на предприятии после пуска его в эксплуатацию. Так, в 1935–1936 гг. было построено несколько добротных рубленых двухэтажных домов с паровым отоплением, где комнаты и квартиры получили более 500 семей.

Для холостяков продолжали строить общежития, причем они подразделялись на «облегченного и улучшенного типа». В общежитиях «улучшенного типа» в каждой комнате уста-

навливалась плита, в них селили семейных и холостых рабочих, которые своим трудом заслужили проживания в более комфортных условиях. Если в обычные общежития в комнату заселяли по 10–14 и более чел., то в общежития «улучшенного типа» – по 4–5 чел. [15, л. 28; 18, л. 17].

И все же, несмотря на предпринимаемые меры, положение с жильём не улучшалось. В докладной записке от 25 апреля 1937 г. «О ходе строительных работ в Комсомольске-на-Амуре», представленной в Далькрайком ВКП(б), отмечалось, что жилищное строительство в городе является самым отстающим участком. «Жилищное строительство ведется очень плохо, качество низкое, дома сдаются с недоделками: незаконченное отопление, отсутствие уборных, водопровода и канализации, зачастую нет кухонь и т. д. Имеется много жалоб на плохое коммунальное обслуживание и высокие тарифы на коммунальные услуги (электроосвещение, вода, квартирная плата). Принимая в эксплуатацию такие объекты и заселяя их, рабочих и служащих ставят в невероятно тяжелые условия. Всё это как будто бы умышленно рассчитано на разжигание недовольства трудящихся и обострение отрицательных настроений» [16, л. 45].

К плохим жилищным условиям добавлялись проблемы с их обогревом в холодное время года. Рабочие мерзли в бараках, особенно те, кто жил в общежитиях. С них брали деньги за отопление, но дрова привозили нерегулярно и им приходилось обеспечивать себя топливом самостоятельно, часто за счет того, что они приносили со стройплощадок, причем не только отходы, но и вполне добротные стройматериалы [22, л. 21].

Недовольство первостроителей вызывали не только жилищные условия, но и снабжение продовольственными и промышленными товарами. Плохое продовольственное обеспечение воспринималось особенно болезненно. Тяжелый физический труд требовал восполнения растроченной энергии за счет хорошего, калорийного питания.

Помимо отделов рабочего снабжения (ОРС) для поставок продовольствия руководство стройки предпринимало попытки создания пригородного хозяйства, тем самым предполагалось обеспечить рабочие кадры в первое время не менее 30 % общей потребности, а в дальнейшем с учетом развития при-

городного хозяйства – до полного самообеспечения горожан овощами. Кроме этого, за счет так называемых самозаготовок – создания рыболовецких и охотничьих артелей – надеялись обеспечить рабочих и служащих такими местными продуктами питания, как рыба, дичь, кабанина и др. [23, л. 223].

Все эти нереализованные (по разным причинам) планы формировались не от хорошей жизни – в первой половине 1930-х гг. в стране была карточная система, и, хотя первостроителей первое время снабжали по так называемому «северному завозу», продуктов не хватало. В магазинах, кроме черного хлеба, других хлебобулочных изделий не продавали, не было мяса и овощей, даже картофеля, а торговля сахаром, солью, махоркой и табачными изделиями проводилась с большими перебоями [22, л. 3].

В 1937 г. в городе имели место проблемы с хлебом, его не хватало, наблюдались огромные очереди. При этом, как указывалось в отчетах о состоянии торговли, «качество хлеба исключительно скверное» [24, л. 91]. Из-за отсутствия нормального снабжения продовольственными товарами и полноценного питания часть первостроителей болела цингой [25, л. 36].

Обеспечение промтоварами также было на низком уровне. Промтовары в город завозились и поступали в торговую сеть нерегулярно, наблюдались перебои в поставках хлопчатобумажных тканей, мануфактуры, мужской, женской, детской одежды и обуви, хозяйственных товаров. Если они появлялись, за ними сразу выстраивались очереди [26, л. 74].

Уполномоченный контрольной партийной комиссии ЦК ВКП(б) по ДВК А. К. Жигалов в докладной записке от 5 августа 1937 г. на имя секретаря Далькрайкома ВКП(б) И. М. Варейкиса отмечал, что «систематические перебои в торговле продовольственными и промышленными товарами мешают закреплению квалифицированных кадров и создают среди отдельных групп рабочих нездоровые политические настроения» [24].

Особое значение для Комсомольска-на-Амуре имело общественное питание, так как в городе большинство рабочих составляли молодые, оторванные от семей мужчины. Они питались в столовых, сеть которых по городу и стройплощадкам была расположена неравномерно, их не хватало. Специ-

альных фондов по снабжению их продуктами не выделялось, они пользовались теми, что предназначались для продажи в магазинах. Поэтому выбор блюд был ограниченным и однообразным, качество пищи низким, а цены высокими и некоторые рабочие не могли себе позволить питаться в столовых [24, л. 91].

Для инженерно-технических работников действовали специальные столовые, но за обеды в них приходилось платить 500 р. в месяц за человека и качество не во всех было на должном уровне. Поэтому некоторые ИТР из-за высоких цен и низкого качества пищи кооперировались и готовили питание на несколько человек дома [22, л. 2].

Минимальный уровень бытовых удобств – жилье, сеть предприятий торговли и общественного питания – предполагало и наличие банно-прачечных услуг. В Комсомольске-на-Амуре к концу 1930-х гг. работало несколько бань и прачечных. Рабочие, проживавшие в общежитиях, обеспечивались постельными принадлежностями, которые регулярно менялись. Но такая практика сложилась не сразу, поначалу люди спали на голых нарах, без матрацев, одеял, подушек. Первое время работала одна баня, которая не могла обслужить всех первостроителей, люди не мылись неделями, как результат – завшивленность, в жилых помещениях завелись клопы.

Для устранения угрозы эпидемии каждую весну проводились месячники по санитарной обработке помещений и очистке города от мусора. К середине 1930-х гг. количество бань и прачечных увеличилось, угроза эпидемии была устранена [25, л. 36].

В Комсомольск-на-Амуре, как в новом советском городе, предполагались формы досуга в соответствии с установками и задачами социалистического общества. Досуг мыслился как организованный, коллективистский, способствующий формированию и развитию человека нового типа, отличающегося от «буржуазного, эгоистического». Для этого предназначались дома культуры, клубы, избы-читальни, библиотеки, красные уголки. Соответствующие объекты культурно-досуговой инфраструктуры возводились в Комсомольске-на-Амуре.

Одним из первых в ноябре 1932 г. начал работать клуб «Ударник», в 1934 г. – библиотека, в 1937 г. – городской драм-

театр, в 1939 г. открылся первый дом культуры «Строитель». В 1939 г. в городе и его окрестностях – на лесозаготовках, каменоломнях и других подсобных предприятиях – насчитывалось 12 клубных учреждений, 10 киноустановок, 10 библиотек на 62,5 тыс. книг [11, с. 152]. К этому времени в городе проживало 70 тыс. чел. [26, л. 74], и культурно-досуговых учреждений явно не хватало.

Одной из форм досуга был любительский спорт. Первые физкультурно-спортивные общества появились в 1933 г., в 1934 г. был построен простейший стадион с футбольным полем, в 1935 г. создан аэроклуб. По ведомственному принципу (при заводах) создавались футбольные команды, которые успешно соперничали с любительскими коллективами Дальневосточного края. Одна из них в 1937 г. стала победителем первенства РСФСР в Дальневосточной зоне, а другая в 1939 г. выиграла Кубок Хабаровского края по футболу [27, л. 16].

Наиболее популярным видом культурного досуга у горожан было кино. Они охотно посещали киносеансы, хотя нередко жаловались на холод, грязь в клубах и на то, что новые кинофильмы приходили с большим опозданием в сравнении с городами европейской части страны [28, с. 98]. В целом выбор проведения свободного времени у горожан был крайне ограничен. Оставшиеся от работы часы тратились на хозяйственно-бытовые хлопоты и пассивные виды досуга: отдых, общение с соседями по общежитию (дому).

Ограниченность культурно-досуговых учреждений Комсомольска-на-Амуре была одной из причин (далеко не главной), по которой многие (особенно в общежитиях) предавались выпивке, картежным играм, что вызывало озабоченность начальства, которое подобные формы досуга называло «нездоровыми явлениями» и считало, что для их искоренения «центр тяжести партийно-массовой работы нужно перенести в барак, < > ...путем читки и проведения бесед» [23, л. 6].

Скудность досуговой инфраструктуры побуждала партийно-хозяйственное руководство предпринимать меры по созданию недорогих в финансовом отношении объектов для массовых видов отдыха. Во второй половине 1930-х гг. были намерения открыть на Амуре водную и лодочную станции; создать на месте естественного лесного массива в пойме р. Си-

линки общегородской центральный парк культуры и отдыха [15, л. 30]. Но эти планы не были реализованы.

Обсуждение и выводы

История повседневной жизни первостроителей Комсомольска-на-Амуре наглядно демонстрирует особенность проведения сталинской форсированной индустриализации, при которой решение задачи создания промышленного потенциала достигалось за счет колоссальных трудовых усилий, бытовых лишений и жертв со стороны рядовых советских тружеников. «Героизм» первостроителей Комсомольска-на-Амуре во многом был вынужденной мерой, люди были поставлены в сложные условия на грани выживаемости. Тяжелые условия труда и быта не были какими-то исключительными для того времени, они были обыденным явлением, характерным и для других советских городов-новостроек.

Список литературы

1. Ипполитов Г. М., Репинецкий А. И. История повседневности: некоторые аспекты генезиса и эволюции отрасли исторической науки // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2012. – Т. 14. № 3. – С. 154–161.
2. Жидченко А. В., Рыженко В. Г. История повседневности XX века в англоязычной историографии // Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. – 2012. – Т. 154. – № 3. – С. 172–178.
3. Милешина Н. А., Меркушин А. В. История повседневности как научное направление // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 11-3(61). – С. 103–105.
4. Журавлев С. В., Соколов А. К. Повседневная жизнь советских людей в 1920-е гг. // Социальная история. 1997. Ежегодник. – М.: Изд-во «Российская политическая энциклопедия», 1998. – С. 287–332.
5. Поляков Ю. А. Человек в повседневности (исторические аспекты) // Отечественная история. – 2000. – № 3. – С. 125–132.
6. Пушкарева Н.Л. Предмет и метод «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. – 2004. – № 5. – С. 3–19.
7. Банникова Е. В. Критерии повседневности: теоретико-методологические основы истории повседневной жизни // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 7(13). Ч. II. – С. 21–24.
8. Кузина И. Л. Повседневный быт социалистической новостройки в 1930-е гг. (опыт г. Комсомольска-на-Амуре) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 4–2. – С. 106–109.
9. Долгов Л. Н. Первый председатель Комсомольского-на-Амуре городского Совета и формирование социокультурной среды города // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре технического университета. – 2012. – Т. 2. № 10. – С. 13–18.

10. Иванов В. В. Развитие системы здравоохранения в г. Комсомольске-на-Амуре в 1930–1940-е гг. // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – Т. 39. – С. 671–675.

11. Костюрина Н. Ю. Досуг и быт нового советского города 1930-х годов: проекты и действительность // Вестник ДВО РАН. – 2006. – № 3. – С. 148–155.

12. Филиппова А. В. Создание судостроительного комплекса на Амуре (1932–1941 гг.) // Военно-исторический журнал. – 2017. – № 10. – С. 39–46.

13. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 356.

14. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 367.

15. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 511.

16. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1351.

17. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 601.

18. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 926.

19. Плохотников В. С. Заработная плата рабочих г. Тюмени в годы первых пятилеток (1928–1941) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 12–1 (62). – С. 161–165.

20. Исаев В. И. Процессы модернизации в сфере быта рабочих Сибири в годы первых пятилеток (1928–1937 годы) // Исторический курьер. – 2020. – № 1(9). – С. 47–55.

21. Власов С. А. Ведомственное жилищное строительство на Дальнем Востоке в 1930-е гг. // Чтения памяти профессора Александра Александровича Сидоренко. – 2022. – № 9. – С. 39–52.

22. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 927.

23. Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 13.

24. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1299.

25. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 701.

26. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 978.

27. ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 11. Д. 6.

28. Кулинич Н. Г. Досуговая культура горожан советского Дальнего Востока в 1920–1930-е годы. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та. 2011. 164 с.

Labor, life, leisure of the first builders of Komsomolsk-on-Amur – the daily life of residents of the Far Eastern city in the 1930s

Sergey A. Vlasov

In the article, based on a wide range of archival materials introduced into scientific circulation for the first time, the main components of the daily life of the first builders of Komsomolsk-on-Amur are investigated – labor activity, living conditions, forms and types of leisure. It is established that the personnel of the first builders was formed not only on a voluntary basis, but also under administrative pressure; in addition to the mobilized and volunteers, a significant proportion of the first builders were military builders, prisoners. It was revealed that the housing condition of the residents of the new city were unsatisfactory. It was noted that in order to consolidate the qualified and most able-bodied personnel, better quality housing was provided as an incentive. The supply of food and industrial goods was carried out at a low level. The presence of leisure and cultural institutions did not correspond to the size of pop-

ulation and did not allow for meaningful leisure, and for most citizens it was reduced to passive (rest, communication with acquaintances). It is concluded, that the hard daily life of the first builders was a kind of payment for the accelerated forced construction of industrial facilities in the city.

Key words: First builders, mobilization, barracks, catering, food and industrial goods, bath-laundries, meaningful leisure.

For citation: Vlasov, S. A. (2023) Trud, byt, dosug pervostroiteley Komsomol'ska-na-Amure – povsednaya zhizn' zhitel'ey dal'nevostochnogo goroda v 1930-ye gg. [Labor, life, leisure of the first builders of Komsomolsk-on-Amur – the daily life of residents of the Far Eastern city in the 1930s]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 4. Pp. 161–176. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2023_1_161

References

1. Ippolitov G. M., Repineskiy A. I. (2012) *Istoriya povsednevnosti: nekotorie aspekti genezisa i evolusii otrasli istoricheskoy nauki* [The history of everyday life: some aspects of the genesis and evolution of the branch of historical science] // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossiyskoy akademii nauk* [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 14. № 3. Pp. 154–161. (In Russ.)
2. Zhidchenko A. V., Rizhenko V. G. (2012) *Istoriya povsednevnosti XX veka v angloyazichnoy istoriografii* [The History of everyday life of the twentieth century in English-language Historiography] // *Uchenie zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: gumanitarnie nauki* [Scientific notes of Kazan University. Series: Humanities]. Vol. 154. № 3. Pp. 172–178. (In Russ.)
3. Mileshina N. A., Merkushin A. V. (2015) *Istoriya povsednevnosti kak nauchnoe napravlenie* [The history of everyday life as a scientific direction] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskustvovedenie. Voprosi teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice]. № 11–3(61). Pp. 103–105. (In Russ.)
4. Zhuravlev S. V., Sokolov A. K. (1998) *Povsednaya zhizn' sovetskikh ludey v 1920-e gg.* [Everyday life of Soviet people in the 1920s.] // *Sotsialnaya istoriya. 1997. Ezhegodnik* [Social history. 1997. Yearbook]. M.: Rossiyskaya politicheskaya ensiklopediya. Pp. 287–332. (In Russ.)
5. Poliakov Y. A. (2000) *Chelovek v povsednevnosti (istoricheskie aspekti)* [Man in everyday life (historical aspects)] // *Otechestvennaya istoriya* [Domestic history]. № 3. Pp. 125–132. (In Russ.)
6. Pushkareva N. L. (2004) *Predmet i metod «istorii povsednevnosti»* [The subject and method of the "history of everyday life"] // *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. № 5. Pp. 3–19. (In Russ.)
7. Bannikova E. V. (2011) *Kriterii povsednevnosti: teoretiko-metodologicheskie osnovy istorii povsednevnoy zhizni* [Criteria of everyday life: theoretical and methodological foundations of the history of everyday life] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskustvovedenie. Voprosi teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice]. № 7 (13). Vol. II. Pp. 21–24. (In Russ.)
8. Kuzina I. L. (2015) *Povsednevnyy bit sotsialisticheskoy novostroyki v 1930-e gg. (opit g. Komsomolska-na-Amure)* [Everyday life of a socialist new building in the 1930s. (the experience of Komsomolsk-on-Amur)] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskustvovedenie. Voprosi teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice]. № 4–2. Pp. 106–109. (In Russ.)
9. Dolgov L. N. (2012) *Perviy predsedatel Komsomolskogo-na-Amure gorodskogo Soveta i formirovaniye sotsiokulturnoy sredi goroda* [The first chairman of the Komsomolsk-on-Amur City Council and the formation of the socio-cultural environment of the city] // *Uchenie zapiski Komsomolskogo-na-Amure tehnikeskogo universiteta* [Scientific notes of Komsomolsk-on-Amur Technical University]. V. 2. № 10. Pp. 13–18. (In Russ.)

10. Ivanov V. V. (2017) *Razvitie sistemi zdavoohraneniya v g. Komsomolske-na-Amure v 1930–1940-e gg.* [Development of the healthcare system in Komsomolsk-on-Amur in the 1930s – 1940s] // *Nauchno-metodicheskiy zhurnal «Konsept»* [Scientific and methodological journal "Concept"]. Vol. 39. Pp. 671–675. (In Russ.)

11. Kostiurina N. U. (2006) *Dosug i bit novogo sovetskogo goroda 1930-h godov: proekti i deystvitel'nost* [Leisure and life of the new Soviet city of the 1930s: projects and reality] // *Vestnik DVO RAN* [Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences]. № 3. Pp. 148–155. (In Russ.)

12. Filippova A. V. (2017) *Sozdanie sudostroitel'nogo kompleksa na Amure (1932–1941 gg.)* [Creation of a shipbuilding complex on the Amur (1932–1941)] // *Voenno-istoricheskiy zhurnal* [Military History Magazine]. № 10. Pp. 39–46. (In Russ.)

13. *Gosudarstvenniy arhiv Habarovskogo kraja* (GAHK) [The State Archive of the Khabarovsk Territory]. F. P-2. Op. 1. D. 356.

14. GAHK F. P-2. Op. 1. D. 367.

15. GAHK F. P-2. Op. 1. D. 511.

16. GAHK F. P-2. Op. 1. D. 1351.

17. GAHK F. P-2. Op. 1. D. 601.

18. GAHK F. P-2. Op. 1. D. 926.

19. Plohotnikov V. S. (2015) *Zarabotnaya plata rabochih g. Tumeni v godi pervih piatiletok (1928–1941)* [Wages of Tyumen workers during the first five-year plans (1928–1941)] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosi teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice]. № 12–1 (62). Pp. 161–165. (In Russ.)

20. Isaev V. I. (2020) *Protsessy modernizatsii v sfere bita rabochih Sibiri v godi pervih piatiletok (1928–1937 godi)* [Modernization processes in the sphere of everyday life of Siberian workers during the first five-year plans (1928–1937)] // *Istoricheskiy kuryer* [Historical Courier]. № 1(9). Pp. 47–55. (In Russ.)

21. Vlasov S. A. (2022) *Vedomstvennoe zhilichnoe stroitel'stvo na Dalnem Vostoke v 1930-e gg.* [Departmental housing construction in the Far East in the 1930s.] // *Chetiya pamiati professora Aleksandra Aleksandrovicha Sidorenko* [Readings in memory of Professor Alexander Alexandrovich Sidorenko]. № 9. Pp. 39–52. (In Russ.)

22. GAHK F. P-2. Op. 1. D. 927.

23. *Gosudarstvenniy arhiv Primorskogo kraja* (GAPK) [State Archive of Primorsky Krai] F. P-1. Op. 1. D. 13.

24. GAHK F. P-2. Op. 1. D. 1299.

25. GAHK F. P-2. Op. 1. D. 701.

26. GAHK F. P-2. Op. 1. D. 978.

27. GAHK F. P-2. Op. 1. D. 6.

28. Kulinich N. G. (2011) *Dosugovaya kultura gorozhan sovetskogo Dalnego Vostoka v 1920–1930-e godi* [Leisure culture of the citizens of the Soviet Far East in the 1920s – 1930s.] Khabarovsk: Tihookeanskiy gosuniversitet.

Статья поступила в редакцию 21.01.2023

Одобрена после рецензирования 31.01.2022

Принята к публикации 07.02.2023